

В гостях у китайских друзей

Прилетев в Москву из гастрольной поездки по Дальнему Востоку, я узнал, что меня, в составе группы советских артистов, направляют в Китай.

Я давно мечтал увидеть эту прекрасную страну.

21 сентября поездом Москва — Пекин наша группа — 27 человек — выехала из советской столицы.

За окном поезда пронывали города и горные хребты, появлялись и исчезали деревни, полустанки... А в вагоне, под мерный стук колес, мы вели разговоры о Китае, к которому приближалась нас каждая минута.

Восемь суток в поезде. И вот — станция «Отпор» — последняя советская станция перед границей. Через несколько минут поезд трогается, а мы — в Китае, в пограничном городке — Маньчжурия. На вокзале нас встретил мэр города и проделана в свою резиденцию. Мы ехали издалека, прислушиваясь к звонким голосам мальчишек, выкрикивавших азбуку галет, продавцов фруктов и овощей, торговалших своим товаром здесь же, на улице. Жадно всматривались мы в эту кипевшую на улицах вечернего города жизнь.

Но вот мы снова в вагоне... Только начало светать, как каждый из нас уже устроился поудобнее у окна. Поезд идет по широкой равнине. На полях, в садах работают крестьяне. Земля обработана тщательно.

Вот и долгожданный Пекин, столица свободного демократического Китая. Пекин воспринял меня сразу и навсегда. Это — город необычайной красоты. Прежде всего поражают его краски — яркие, разнообразные оттенки. Здесь много зелени и цветов. Повсюду надписи — иероглифы, напоминающие кружева.

Великолепная гостиница «Пекин», где остановилась наша делегация, — это современное здание в национальном китай-

В течение октября — ноября нынешнего года в Китае находилась делегация советских артистов.

В составе делегации были певцы П. Амيرانашвили, В. Давыдова и Л. Кострица, скрипач Р. Соболевский, пианисты В. Мержанов, Е. Калининская и К. Пашкевич, солисты балета Н. Петрова и Н. Серебряков, артисты оркестра сестры Федоровы и В. Николаева, В. Скворцова и И. Сырай, А. Артамонов и Р. Ольховская, участники танцевальной группы хора имени Пятницкого.

Ниже мы печатаем рассказ участника делегации, солиста Тбилисского театра оперы и балета имени З. Палиашвили народного артиста СССР П. Амيرانашвили о пребывании советских артистов в Китае.

ском стиле, все помещения которого отделаны с большим вкусом и изяществом. Отсюда, с высоты «птичьего полета» обозревали мы город: вернее, желтые, красные, зеленые крыши его домов. Особенно примечательна центральная часть Пекина, так называемый «Запретный город», — резиденция китайских императоров, доступ куда был запрещен народу под угрозой смерти. Мы узнали его сверху по желтым крышам. Желтый цвет являлся некогда привилегией императора, а именно потому крыши «Запретного города» сплошь покрыты желтой глазурованной черепицей. Впоследствии мы побывали на зенсерии в его дворцах.

К величайшему нашему сожалению, мне и Вере Александровне Давыдовой не удалось принять участие в экскурсиях в летнюю резиденцию китайских императоров — дворец «Ихэ». Но зимний дворец — «Гугун», превращенный в Музей искусства и культуры Китая, мы осмотрели. В этом музее, который и сам по себе великолепен, собраны замечательные образцы ре-

месел и народного искусства, подлинные шедевры, созданные руками талантливых китайских мастеров. Особенно поразила меня ажурная резьба по слоновой кости, резьба по металлу. Образцы подобной работы я видел в китайском отделе Музея восточных культур в Москве, но увиденное в «Гугун» — по богатству и разнообразию экспонатов, по тонкости отделки превзошло все мои ожидания.

Существует народная поговорка — «Не увидишь, — не поверишь». А если и поверишь, то никакое описание не может заменить увиденного своими глазами. Но все же я хочу рассказать о том, что произвело на меня в Пекине особенно сильное впечатление.

Дворец очень своеобразен. Великолепны пагоды, украшенные фигурами различных птиц и животных, в том числе и фантастических. Особо почетное место принадлежит драконам. В Китае, кстати, мне пришлось изменить свое о них мнение. Драконы — это отнюдь не злые чудовища, как я предполагал, а добрые существа, охраняющие, согласно поверью, домашний очаг. Потому-то так часто встречаются в Китае их изображения.

Есть в Пекине стена — длина ее несколько сот метров, — создающая замечательный акустический эффект. Слово, произнесенное на одном ее конце, доходит до человека, стоящего у другого конца. Мы не сразу поверили этому. Но, вступив в переговоры с помощью этой стены с одним из наших товарищей, я убедился в ее замечательных свойствах, вернее, поразила замечательному мастерству древних архитекторов.

1 октября — мы тогда были еще в Пекине — отмечалась шестая годовщина со дня образования Китайской Народной Республики. На площади Тяньаньмынь состоялся военный парад и демонстрация трудящихся. Делегация советских арти-

На снимке (слева направо): пианист В. Мержанов, солист Тбилисского оперы П. Амيرانашвили, премьер Государственного Совета Китайской Народной Республики Чжоу Энь-дай, солистка Большого театра В. Давыдова.

стов находилась на трибунах в числе гостей из 50 зарубежных стран. Мы были свидетелями огромного энтузиазма народных масс, их глубокой любви к Китайской коммунистической партии и председателю Мао Цзэ-дуну, их больших дружеских чувств к нашей Родине. Многие демонстранты были одеты в красивые национальные костюмы. Над колоннами поднимались вывес воздушные шары с портретами Ленина, Сталина, Мао Цзэ-дуна, с красными знаменами.

Первый наш концерт состоялся в театре «Небесный мост». Построенный в трехмесячный срок в приезде в Пекин московского музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко, он вмещает до трех тысяч человек, имеет прекрасно оборудованную сцену и комнаты для артистов. Поджегал к театру, мы увидели, что здесь скопилось, приблизительно, столько машин, сколько бывает их

в дни «большого футбола» у ворот тбилисского стадиона «Динамо». Начал концерт скрипач Соболевский, выступивший с большим успехом. Каждое выступление концерта публики встречала и провозглашала громом аплодисментов и приветственными возгласами. Это глубоко радовало нас. Мы знали, что горячий прием, оказываемый советским артистам, это не только дань их таланту и мастерству, но и выражение большой любви китайских трудящихся к Советскому Союзу.

Программу своего выступления на этом концерте, как, впрочем, и на других, я старался строить таким образом, чтобы в нем были представлены произведения грузинской, русской и западно-европейской классики, грузинское народное песенное творчество. Так, в этот раз я спел романсы «Завечерее» Д. Аракишвили, «Мы сидели с тобой» Чайковского, арии Риглетто, Киззо и Фигаро (последняя особенно

правилась китайским слушателям). После окончания концерта зад, стоя, пел песню В. Мурадели «Москва — Пекин». Повсеместно нас встречали и провожали этой советской песней и китайской — «Сталин — Мао Цзэ-дун».

Мы поехали в Китай как посланцы советского искусства. И выступали не только в концертных залах, но и на предприятных. Незабываемое впечатление произвел на меня концерт на одном из заводов Цех, где мы выступали, мог восторгать только треть делавших нас послушать. Но нашелся выход. Остальные работники завода слушали выступление советских артистов во дворе (погода стояла теплая) и у себя в цехах, по внутризаводской трансляционной сети. Мы уехали с этого завода под приветственные возгласы в честь Советского Союза, в честь вечной, нерушимой дружбы великих народов СССР и Китая. Нам обсыпали цветами и просили передать советским людям слова горячего приветия от китайских трудящихся.

Однажды, взяв с собой роль, мы поехали выступать перед крестьянами одного из сельскохозяйственных кооперативов близ Шеньяна (Мукден). Здесь нас принимали так же горячо и дружелюбно.

Во время одного из концертов за кулисы и советским артистам пришла заместитель председателя Государственного Комитета обороны и заместитель премьера Государственного Совета Китайской Народной Республики маршал Чень И и старик — учитель Мао Цзэ-дун. Он спрашивал, пошла ли природа Грузии на природу Китая.

Как известно, в старом Китае около 80 процентов населения было неграмотным. Правительство, Коммунистическая партия Китая придает большое значение повышению культуры народа. Не будет преувеличением сказать, что в Китае учится теперь весь народ. Вот и мы, советские артисты, одной из главных своих задач считали помочь моим китайским работникам искусству: в каждом из участников

В гостях у китайских друзей

(ОКОНЧАНИЕ).

нашей группы были прикреплены ученики, которые ездил вместе с нами по стране в предоставленном в наше распоряжение поезде. В салон-вагоне были музыкальные инструменты, и таким образом наши занятия не прерывались ни на один день. У меня было восемь учеников, в их числе три девушки, которые работали в ансамбле Народной армии. Они не знали русского языка, а я — китайского, но с помощью переводчика Учивея, которого мы все знали, по его просьбе, Плюшей, занятия проходили успешно. Молодые китайские артисты оказывались музыкальными, способными и эмоциональными людьми. Учтивей они настойчиво, упорно, используя каждую возможность узнать что-то новое, полезное. Они, повторю, не знали русского языка, но если сегодня начинали разучивать песню или романс, то можно было быть уверенным, что через два дня они будут великолепно знать и слова, и музыку. 23 ноября наши ученики выступили в Кантоне с отчетным концертом, который прошел с заслуженным успехом.

Незабываемое впечатление осталось у нас от китайского театрального и музыкального искусства, развитию которого уделяется в стране огромное внимание. В Пекине мы посетили так называемый «музыкальный городок», представляющий собой интернат, в котором в течение четырех лет учатся и живут вместе со своими семьями будущие певцы, дирижеры, инструменталисты. Это было одно из первых наших знакомств с музыкальным искусством нового Китая. Мы прослушали здесь хор, поразивший нас чистотой исполнения. Симфонический оркестр сыграл для нас «танец тигров» композитора У Си-ши, напоминающий наш «хоруми», и «танец с длинными барабанами» композитора Ле Те-шай.

Особенно ярко запечатлелась в памяти спектакли классического китайского теат-

ра или, как часто его у нас называют, китайской оперы.

Когда нас впервые пригласили посетить спектакль Пекинской оперы, я, разумеется, знал, что это не опера в обычном нашем понимании. Но увиденное поразило меня. Прежде всего, я не нашел места, отведенного для оркестра. — в китайской опере он располагается на сцене. Когда раздвинулся занавес, не было и декораций. Между тем актеры играли, вернее сказали, жили на сцене так, как если бы их окружали реальные предметы.

Как я узнала впоследствии, в Китае имеется около двухсот разновидностей классической оперы. Это — Пекинская опера, Шаосинская и т. д. Таким образом, Пекинская опера может существовать в различных уголках страны. Все эти оперы почти не знают декораций, очевидно потому, что, будучи по своей природе, по установившимся традициям кочевыми, они не могли обременять себя сложными декорациями.

Оркестру в китайской классической опере отведена большая роль. Он не только сопровождает актеров, в его задачу входит также передавать оттенки переживаемых ими чувств. Так, например, если герою, по ходу действия, надо злиться, оркестр играет особенно громко, если герой смеется — слышится раскатыстая дробь, как бы имитация смеха. Кстати, в китайской опере нет дирижера, и это ничуть не мешает слаженности исполнения. Искусство актера китайского классического театра весьма сложное. Он должен быть первоклассным акробатом, уметь петь и декламировать, владеть искусством пантомимы. Не удивительно, что китайские актеры начинают обучаться своему искусству с детства, и в 18—19 лет в их репертуаре имеется около пятидесяти ролей. В одних труппах китайского театра все роли (и мужские и женские) исполняются только мужчинами, в других — только

На снимке: П. Амيرانшвили с группой китайских артистов в Пекине.

женщинами, как, например, в побывавшем у нас в стране театре Шаосинской оперы. Немало, разумеется, и таких театров, в которых играют и те и другие.

Китайский театр так очаровал меня, что в каждом городе и обязательном стремился увидеть хотя бы один-два спектакля. Исполнение актеров китайского классического театра отличается высокой художественностью и, я бы сказал, совершенной техникой. Изумительная грация, покоряющая женственность отличают китайских артисток. В Пекинской опере я смотрел отрывок из драмы «Белая Змейка». В спектакле есть такая сцена: Белая Змейка с саблями в обеих руках хочет проникнуть во дворец, но на пути ей встречаются два стражника. Между ними начинается сражение, которое является чем-то феноменальным. Исполнительница главной роли обвивает направленные в нее когти руками, ногами, головой, всем телом и так как число стражников увеличивается чуть не до двадцати, она

делает все это невероятно быстро, причем очень точно и грациозно.

Видел я и эпизод из инсценировки классического романа «Путешествие на Запад». Роль Царя Обезьян исполнил известный актер Ли Шао-чун. Игра и грим его были настолько точными, что, даже стоя рядом с ним, я не мог поверить тому, что роль эту исполняет молодой, красивый человек.

Важное место занимает в китайском театре одежда, грим. Цвет накидки, плаща, длина волос, различные знаки на лице — все имеет свое значение, определяет общественное положение, возраст и даже характер человека. Так, если у героя короткие усы, значит он невоспитан и груб, если борода разделена на три части, значит обладатель ее — человек образованный, культурный. Китайские друзья подарили мне несколько масок персонажей классической оперы.

В Китае мне удалось, наконец, увидеть Мэй Лань-фаня — непревзойденного испол-

нителя женских ролей. Лет двадцать тому назад Мэй Лань-фань приезжал к нам в Советский Союз, но увидеть его мне тогда не удалось. Понятно, с каким нетерпением ожидал я появления на сцене артиста, который, отметив в нынешнем году пятидесятилетие своей жизни в искусстве, продолжает играть на сцене с неизменным успехом и мастерством. Замечательные способности Мэй Лань-фана к перевоплощению унаследовал сын его Мэй Бао-цзю, также выступающий в женских ролях.

Наша делегация побывала в ряде городов Китая. Великолепен Шанхай с огромными домами, протянувшимися вдоль величественной набережной. Прелестный уголок — курорт Ханчжоу напомнил мне своими пейзажами Западную Грузию. О нем говорят в Китае: «На небесах рай, а на земле — Ханчжоу».

В Кантоне — большом южном городе — мы осмотрели музей Мао Цзэ-дуна. Это простой скромный домик, в котором жил и работал великий вождь китайского народа.

Всюду, где бы мы ни были, нас, советских артистов, встречали с огромной любовью. Слово «сулянь» — советский — открывало нам все сердца. Мы видели величайший трудовой энтузиазм народа, строящего социализм, горячо желающего мира.

И когда 6 ноября во время приема в Советском посольстве наш посол тов. П. Ф. Юдин передал мне слова товарищей Чжоу Эн-ляя и Чжу-де, присутствовавших на приеме и высоко оценивших мое выступление, я понимал, что эта высокая оценка есть проявление братских, дружеских чувств к нам, советским людям.

28 ноября мы вылетели на самолете в Москву, унося с собой самые теплые, самые радостные воспоминания о новых друзьях, которых мы обучали и у которых учились сами, о великом и трудолюбивом китайском народе.

Редактор И. ЧХИКВИШВИЛИ.